

16+

АЛЕКСЕЙ АХМАТОВ
ДЕЛО ТРУБА

Алексей АХМАТОВ

Дело труба

«Автор»

2020

Ахматов А. Д.

Дело труба / А. Д. Ахматов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-95683-4

Книга коротких рассказов о жизни наших современников, людей прежде всего творческих, деятельных и ленивых, страдающих и сострадающих, очарованных и разочаровавшихся. Их страсти, взлеты и падения.

ISBN 978-5-532-95683-4

© Ахматов А. Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Семицветик	5
Я иду в кабак	13
«Попугайчик»	18
Дом в Комарово	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Ахматов

Дело труба

Семицветик

Влюбился. Насмерть. Как воробей в стекло саданулся внезапно, и теперь лежу с окровавленным клювиком на карнизе, даже не понимаю, как это произошло.

Ну, себе-то врать не надо. Все понимаю. Все вижу. Только сказать ничего не могу, как собака Павлова, на лямках подвешенная. Ногами в воздухе перебирает, слюна течет... Опять вру. Могу говорить. Только об этом, к сожалению, говорить и могу. Говорю долго и даже довольно складно... зеркалу в ванной комнате. Оно зыркает на меня моими же злыми глазками и молчит. Молчит как рыба об лед. И правильно делает – бережет свою физиономию. Как там у Есенина? «По-смешному я сердцем влип, я по-глупому мыслями занят...»

Господи, тошно-то до чего. А от чего тошно? Сам не пойму. Опять соврал. Сколько ж врать-то можно, а? Но до этого дойдем еще. Да, дела. И добро бы любовь неразделенная была. Добро бы я сам был нелюбим ею. Это было бы естественно, понятно и нормально. Это сплошь и рядом происходит. Этим никого не удивишь. Но чтоб ответная столько страданий приносила?! А может, одно ощущение того, что ты сам являешься объектом чьей-то страсти, накладывает сладкий груз на плечи? Только от сладости этой блевать хочется. Потому что не моя она, любовь моя. Светка, Светлана, Светик-семицветик. Лучик мой в темном царстве. Лазерный мой лучик, раскромсывающий мозг на куски. Она замужем. Сын растет. Муж – преуспевающий бизнесмен. Ну, насчет преуспевающего это я загнул – еле на плаву держится. Но ведь держится, не тонет. Его «Ауди» пятилетней давности против моего оцинкованного «Москвича» как Дворец Белосельских-Белозерских против сруба в Кузьмолово. Собственно, муж и виноват во всем. Сам. Впрочем, мы всегда во всем виноваты сами. Это – закон. Но он-то особенно хорош, гусь! Ото всего мира жену свою огородил. Всех подруг – взашей. О друзьях не говорю. Они в первую очередь исчезли. Короче, всех отшил. Учиться не дал, на работу не пустил. «Сиди дома, за хозяйством смотри». Да будь у нее нормальная жизнь, знакомые, вечера с хорошими подругами, да разве ж она вильнула бы в мою сторону, в мой тихий пруд своим роскошным русалочьим хвостом?! Черта с два. Я бы смотрел на нее, как прохожий смотрит на витрины пассажира. Да, хороша, да, удивительно хороша, ну и ладно. Я бы даже не возжелал ее в виду очевидности провала. Да так и было лет пять. Все на «вы» да на «вы», несмотря на то, что муж вроде как мой старый приятель.

В гостях у него коньяк пьем, какими-то бутербродами закусываем. Она мне:

– Вам салатик передать?

– Не беспокойтесь, у меня есть.

– Сколько можно на «вы», – удивляется муж, – вы знакомы с прошлого века.

– Что ты понимаешь, Юрец, – говорю я ему, – красивую женщину всегда приятно на «вы» называть.

Дискуссия на эту тему за столом завязалась. По поводу того, что у американцев и англичан вообще «вы» нету. Одно тыканье сплошное. Какой-то умник заявил, что, напротив, у них все только выкают друг другу. А «ты» архаическое осталось где-то и звучит, как страшное ругательство. В общем, глупый спор разгорелся. Муж на кухню курить вышел. Я захмелел и сказал ей:

– Светлана Пална, а давайте, действительно, на «ты» перейдем. Чтоб проще было, надо на брудершафт выпить.

Вот это и было началом. Бикфордовым шнуром, который целый год полз по подземным переходам женской психики, пока не дотлел до сердца. В итоге оно рвануло на куски, под обломками которого я умираю теперь, контуженный и окровавленный.

Она кротко потупила ресницы и сказала:

– Ну, я не знаю.

– Ну, значит, это делается так, – сказал я, налив две рюмки и подав одну ей. Народу за столом было много. На нас особо внимания не обращали. Да мы и не прятались. Завели руки одну за другую, опрокинули коньяк, и... она поставила рюмку и поглядела мне в глаза.

– Нет, так не делается, – улыбнулся я.

– А как делается? – полушепотом проговорила она.

– Рюмку ставить не надо. Теперь нужно поцеловаться и сказать «ты».

Мы приблизились друг к другу. Я слегка наклонил голову, и губы наши соприкоснулись. Это не был дружественный поцелуй брудершафта. Слегка пожевывая ее губы, я встретил ее язык, также охотно отвечающий мне. Длилось это волшебство с полминуты, не меньше. Помоему, даже сидящий напротив Юрин младший брат прицокнул и сказал:

– Ну, молодцы.

Мы нехотя оторвались друг от друга. Справедливости ради надо отметить, что брудершафт не помог, и мы еще долго выкали друг другу. Вот и все. И на целый год тишина. Я через день и думать об этом забыл. А в ней, оказывается, этот поцелуй жил, как бомба замедленного действия.

У меня за этот период женщин с десяток сменилось. Ни с одной ничего серьезного. Если постель не серьезным чем-то считать. Спали, и разбегались в разные стороны. О любви не говорю, даже ласки в этих женщинах я не встречал. Они выполняли свою работу. Все это чушь собачья. Обычные человеческие отправления. Ничего более. Да я и не знал тогда, что бывает что-то более. Мне хотелось есть – я заходил в кафешку, хотелось спать – ложился в кровать, хотелось секса – шел, если были деньги, в массажный кабинет, выбирал сразу двоих девушек (это лучше, чем с одной, причем, не в два, а раз в десять), ну и так далее. Желание существует, чтобы его удовлетворять.

Так прошел год. Чтоб я хоть раз вспомнил о Свете за это время! Несколько раз заходил к Юрию. Раз пили водку. Другой раз – чай. Она промелькнула как-то из-за двери. Сказала, что голова болит, что она не выйдет. Как-то просидела с нами до глубокой ночи. Резались в покер. Ставки были смехотворными. Часов за пять, непрерывно проигрывая, я просадил не больше двадцатника. Я вообще не шибко везучий. Да и карты – одно из самых дебильных, после занятия спортом, времяпрепровождений.

Началось все ровно через год после нашего брудершафта. Я пришел домой пьяный с очередного фуршета в Доме журналистов. Был где-то первый час ночи. По телеку ничего путного не шло, и я уже собрался расстилать постель, как вдруг (удивительно пошлый литературный прием, если только дело касается литературы, а не правды жизни) позвонили в дверь. Я вяло открыл. В проеме двери стояла Светлана. Ничего не екнуло в груди у меня. Ничего не шевельнулось. Раз пришла Света, значит что-то нужно Юре.

– Вот, тут супруг просил передать, – она протянула здоровенный том «Звезды философии» Павла Таранова.

Юра с неделю донимал меня какими-то справками из жизни сапожника Беме. Зачем-то ему понадобилась информация по Каббале. Поспорил с кем-то, что ли? Я дал ему это несколько bestолковое издание. И он им, похоже, удовлетворился полностью.

Разумеется, я пригласил ее войти. Во лбу у меня было грамм четыреста водки и бутылочка пива. Этого достаточно, чтобы изображать галантность и мгновенно реагировать на женский пол от 14 до 50 включительно. А передо мной стояла молодая красавица. На кухне я предложил ей на выбор чай, водку, настоящую на лимонных корках, и бутылочку «Бочкарева» из

холодильника. К моему удивлению и радости, она выбрала второе. Разлил водку в две рюмки, вполне отдавая себе отчет в том, что могу перебрать, и чокнулся с ней. Закуски в доме не было никакой. Я принялся было суетиться, проверив все шкафчики, но на тот момент у меня не было даже корки хлеба. Она остановила меня, сказав, что есть совсем не хочет. Я придвинул табурет к ней ближе. Потом еще ближе. Говорили о ее сыне. О том, что ей живется тоскливо, что муж все больше пьет. Я придвинулся совсем вплотную. А что мне еще оставалось? Ночь, алкоголь, я и она – все составляющие этой формулы в сборе и удивительно согласованы между собой. Мгновенно вспомнил брудершафт. Предложил еще раз пересилить наше выканье. Как в плохом кино. Но что плохо для кино – сказочно для пьяного реалиста.

Господи, как мы целовались в этот раз. Без посторонних глаз, без опаски, что сейчас докурит Юра. Как она обнимала меня, как ее пальцы вибрировали в моих волосах, как судорожно билось в груди ее дыхание. Ничего подобного еще не происходило со мной, хотя мне казалось, что человек я в этом смысле вполне искушенный. Нам не хватало воздуха, мы словно пловцы выныривали на поверхность, шепча имена друг друга, чтобы через мгновение погрузиться в абрикосовую мякоть нового поцелуя. Время от времени я пытался пробраться под ее кофточку, но она всякий раз останавливала меня. А я не настаивал, боясь спугнуть это чудо, неожиданно обрушившееся на меня, словно внезапный ливень. Иногда мы ненадолго прерывались, выпивали по рюмке водки и снова тянулись друг к другу.

Один раз я сделал настойчивую попытку затащить ее в постель, для убедительности даже сказав, что у меня есть презервативы, на что она ответила, что этого не нужно, и она не хочет ничего подобного.

Мы процеловались, не совру, часов до семи утра. Начало потихоньку светать, она затопилась домой. Только тут я поинтересовался, что она скажет о своем отсутствии дома.

– Юра в командировке. Приедет к девяти. Мне надо идти.

Я был в таком обалдении, что даже не предложил проводить. Она исчезла так же внезапно, как появилась. Изнеможенный, я рухнул на кухонный диван. Возбуждение было никак не снять. Голова кружилась, тело охватил озноб. Через пол часа меня стошнило.

Какое тут могло быть продолжение? Какая перспектива? Ну выпила девочка, расслабилась. И все. Мужа дома не было, вот и разнообразила жизнь немножко. Во вполне допустимых рамках, между прочим. Ничего лишнего ни себе, ни тем более мне не позволила. Значит, хорошо себя контролировала. И все же, все же, все же... Уже тогда она стала западать мне в голову. Постепенно. Потихонечку.

Теперь уже я стал думать о том, какой предлог найти, чтобы повидаться с ней. Поскольку мы с Юрой люди пьющие, это было не так трудно. Я искал встречи с ним у него дома. Он был, в принципе, не против, но тут пошли какие-то дела, и наши договоры затянулись недели на три. События я не форсировал, и, хотя думал о ней чаще обычного, все же поостыл немного. Видимо, убедил себя, что у нее был обычный бабский задвиг. «А если она так с каждым?», – подзуживал циничный внутренний голос. И я кивал ему в ответ. Не то чтобы меня это сильно волновало. Я вообще не ревнив. И все же, все же... Однако, долгожданный день настал. Юра сам позвонил одним субботним утром и попросил зайти к нему вечером без машины. Это был явный намек на хорошую пьянку. Водки не хотелось. Я купил две полторалитровых бутылки «Петровского», надел синюю шелковую рубаху навыпуск, черные джинсы в обтяжку и отправился в гости. Он с младшим брательником, она и немолодая парочка из его конторы – вот и весь бомонд на этот вечер. Честно говоря, я там был как не пришей кобыле хвост. Они всю пьянку проговорили о поставках леса финнам. О том, что вагоны на станции отсутствуют, заказчики нервничают, кругляк дорожает, а обапол приходит в негодность. Я украдкой поглядывал на нее. Она жмурилась, скашивала глаза на меня, но тут же отводила их в сторону, следя за специальной беседой мужа и изображая крайнюю степень заинтересованности. Правда, участия в разговоре не принимала. В этой семье женщине вообще не принято было иметь право

голоса. Говорили мужчины. Я томился, набухиваясь собственным пивом. Юрий с сослуживцем предпочитали водочку, которая, как это часто бывает, кончилась в самый разгар разговора.

– Братан, за водкой надо сбегать, – барственно произнес Юра, – ты самый молодой за столом.

– Оставь его, я схожу, – произнес я. – Пойду пройдуся, а то пиво в ушах уже булькает.

– А ты знаешь куда идти?

– Слушай, не в первый раз, наверное.

– Э, нет, Сашок, тут у нас «24 часа» новые открылись. Три квартала надо пройти. Там ЛИВИЗовская водка нормальная, не то, что в ларьке.

– Ладно, найду, – встал я из-за стола.

Юра обернулся к жене и, нимало не сомневаясь, сказал:

– Сходи, лапа, с ним, покажи, где магазин. И денежку не забудь. На телевизоре барсетка лежит. Тебе прогуляться перед сном полезно будет.

– Бабки есть, Юрец, – с замиранием в голосе почти простонал я, опрометью вылетая в коридор, пока он не передумал. Она элегантно, не торопясь, проследовала за мной.

На лифте съехали в полном молчании. Я глядел на нее во все глаза, она смотрела куда-то рядом со мной, но взгляды наши не пересекались.

«Наверное, все это мне пригрезилось», – решил я, и на душе стало даже как-то спокойнее.

– Что-то вы давно не появлялись у нас, – пронзил меня ее голос, словно булавка – несчастного мотылька. Я понял смысл этого «Вы», мое сердце заколотилось в припадке яростной и глупой радости.

– Ты не жалеешь о том, что было у нас?

– А разве что-то было? Нет, не жалею. А вы?

– Светка, я соскучился по тебе, – прошептал я и взял ее под руку.

– Это почему же?

– Так... есть одна маленькая причина.

– Правда? Расскажите, это интересно.

– Для начала нам нужно перейти на «ты», – сказал я, резко развернул ее к себе и поцеловал в губы.

Чтобы не тратить лишнего времени, водку мы купили в ближайшем ларьке и двинулись в соседний скверик, выбрав самую укромную скамейку в кустах акации. Я посадил ее к себе на колени, и все то, что было в последнюю нашу встречу, повторилось с новой силой. В этих сумерках, словно на стометровой глубине, она была моим аквалангом. Я дышал ею, как сжатым кислородом. Глоток за глотком, без остановки. Я мог умереть в тот момент, если бы ее оторвали от меня. В этом не было того, что можно назвать эротикой или взаимоотношениями полов. Это был танец жизни на краю гибели. Наши языки как два танцора обвивали друг друга. И один не существовал без другого. Это не было сексом, как ни странно может выглядеть подобное явление. Как нельзя назвать обедом поедание корки хлеба голодающим. А я буквально голодал без ее губ.

Несколько раз моя ладонь касалась ее груди, но она отстраняла мою руку, как и в первый раз.

– Разве ты не хочешь меня? – спросил я.

– Не знаю, – ответила Света. – Но у нас с тобой больше ничего не будет.

– В каком смысле? – захлебывался я.

– В прямом. Кроме этого, – она коротко поцеловала меня в ухо, – между нами ничего не будет. Ты понял?

– Как ты захочешь, – ответил я, и мы вновь нырнули в пучину.

Она очнулась первой.

– А сколько времени?

– Не знаю.

– Нам срочно пора возвращаться. Юрочка убьет меня.

Я взял себя в руки. Мир пошатнулся вокруг, сделал сальто-мортале, и я осознал себя сидящим на скамейке ночью с чужой женой на коленях.

– Идем, Светик. – Не оставалось ничего, кроме как согласиться.

Подходя к подъезду, я неприятно поморщился. У перил стоял Юрий с сослуживцем и братом. Они нервно переминались с ноги на ногу.

– Ну и где вы были? – зловеще проговорил Юра.

– За водкой ходили, – не моргнув глазом, ответил я.

– И куда вы ходили?

– В магазин.

– В какой?

– «24 часа».

– Мы там были раз пять.

«Пауз быть не должно», – понимал я, но в голову ничего не шло.

«Это конец, подумал Штирлиц», – пронесся в голове отрывок из старого анекдота.

– Мы не в тех «24 часах» были, – спокойно подхватила разговор Светлана. – То есть там были тоже. Но нам продавщица по секрету сказала, что водку у них лучше не брать.

– Там мужик в винном отделе, – уточнил Юрий.

– Естественно. Не он же сам о своем товаре такое скажет. Я про кассиршу говорю. Оттуда мы пошли в магазин за три остановки. В Голубой универсам. Помнишь, мы там с тобой апельсины в прошлый раз брали.

– И что, два часа ходили?

– Почему два? – встрял я. – Минут двадцать.

– Какие двадцать, вы в первом часу ушли. А сейчас сколько?!

– Юра, милый, ну что ты прицепился, – подошла к нему Светлана. – Ну хочешь, я тебе чек покажу из универсама. Саша, чек у тебя остался.

– Да, где-то здесь был, – произнес я, лихорадочно обшаривая карманы.

– Да пошли вы со своим чеком, – смягчился Юрий. – Я знаете, как волновался. Мы с Виталиком все ларьки в округе оббегали. Я уже думал, случилось что. Думал, по репе наступали где-нибудь. Пошли пьяные среди ночи. Мало ли, что случиться могло.

– Мужики, сколько можно с водкой у подъезда стоять? – возопил с деланным гневом я. – Мы пить сегодня будем или выяснять, кто сколько ходил? Скажите спасибо, что вообще чего-то качественное нашли.

Пили «с остервенением каким-то», как писал Щедрин, часов до семи утра. Юра подозрительно посматривал на нас и время от времени спрашивал у жены подробности нашего маршрута. Пытался несколько раз взять ее за талию, но она всякий раз аккуратно выскользнула из его объятий. Водку все дружно хаяли, но употребляли с аппетитом. Я нажрался до свиного состояния и не помнил, как меня посадили на такси.

Утро было тяжелым и в то же время каким-то светлым. Я как зомби ходил по комнатам и повторял: «Она любит меня, она любит меня, меня вообще кто-то любит». Это было так необычно. Так странно и удивительно. Ни головная боль, ни тошнота не могли сбить этого прекрасного ощущения. Я вспомнил фразу буддийского монаха: «Любите других, но бойтесь, если влюбите в себя хотя бы одну душу». Я не боялся. Я понял, что рождаюсь заново. Мне нужно было научиться по-новому ходить, по-новому дышать. Я прошел цикл гусеницы и цикл куколки. Я приобретал новые формы и вслед за ними менял окружающую среду. Рожденный ползать расправил за спиной огромные золоченые крылья. «Она любит меня. Она меня любила. Но за что? За растопыренные уши? За нос картошкой? За козлиный голосок? А ведь

она сама – чудо неземное. Господи, меня еще кто-то любит. Меня не кто-то, меня она любит. Она меня любит».

При этом мы с ней так и не переспали. «Ну и пусть, – твердил я, – мне этого и не нужно. Я счастлив одним лишь взглядом ее, одним кивком». И я был искренен. Мне действительно не очень нужна была постель. Но видеть ее мне было необходимо. Видеть, слышать, обонять, в конце концов. «Где моя Светка?», – время от времени спрашивал себя я, но ответа не было.

Собственно, история моя подходит к концу. После нескольких встреч с Юрой я понял, что он начал подозревать нас. Забавно, что мы умудрились влипнуть со второго раза. Иные жены всю жизнь изменяют своим мужьям, а те находятся в полной уверенности, что у них неприступный тыл. И здесь у меня все не как у людей.

– А что это ты так посмотрел на нее? – как-то сорвался Юра.

– Обычно посмотрел, – пожал плечами я, но вопрос остался занозой в мозгу.

Я не знал, как мне связаться с ней. Практически у меня не было никаких подходов. Дома вечно торчал младший брат. Когда Юра был дома, звонить было бессмысленно, она трубку не поднимала. Когда он был на работе – просто опасно: в квартире у него стоял определитель номера, и он прекрасно понимал, что я не могу не знать, что его нет дома.

И все же мы с ней встретились еще один раз. Его срочно вызвали в Выборг. Брат загулял, и она позвонила мне, как только уложила сына. Я собирался в гости к своим друзьям, молодой чете, справлявшей новоселье в новой двухкомнатной квартире. И хотя ради нее я отменил бы любую встречу, мне показалось, что ей самой будет интереснее развеяться в кругу новых знакомых. Кроме меня приглашенных больше не было. Я слетал на машине за ней и привез к своим друзьям, как самую большую драгоценность. По дороге она сказала, что очень боится новых компаний. Но я успокоил ее.

– А мы с тобой никаких границ не перейдем? – поинтересовалась она.

– А разве мы их когда-нибудь переходили? – лукаво спросил я и тут же добавил:

– С тобой не произойдет ничего такого, чего ты не захочешь. Я тебе обещаю.

Застолье кончилось поздно, и хозяйка постелила нам на диване, рядом со своим супружеским ложем. Я забеспокоился и, отведя молодого супруга в сторонку, сказал:

– Слушай, у меня к тебе чисто мужская просьба...

– Я все понял, старик. Сейчас дочу из детской в зал перенесу, ложитесь там. Кровать у нее узковата, но, думаю, поместитесь.

– Мы не очень стесним тебя? – спросил я, понимая, что не в силах буду отказаться от такого предложения, даже если стесню.

Мы закрыли за собой дверь. Я отвернулся, но в зеркало видел, как она разделась до белоснежных ажурных трусиков и легла под одеяло. В эту ночь мы так и не заснули. Нет, вру, заснули минут на сорок, в самом конце. Не знаю, мешал ли скрип кровати хозяевам за стенкой, но мы прилагали все усилия к тому, чтобы все было как можно тише. В какой-то момент мы просто скатились на пол, где продолжили безумную скачку.

В общем-то, со стороны механики этого дела не было ничего необычного. И в то же время необычным было все. Главным было то, что она нуждалась во мне, в прямом смысле этого слова. Как жаждущий в глотке воды. Ни одна женщина, которой я обладал, не нуждалась во мне так яростно и в то же время так кротко, как Светка. Она вбирала меня, она растворяла меня в себе, и сама растворялась во мне.

Не то что бы женщины не получали со мной удовольствия, отнюдь. Но было ощущение, что я для них не совсем я, а живой вибратор. Способ получить оргазм, не более. Они были заняты преимущественно собой, да и я не далеко ушел от них. Такое соитие больше напоминало онанизм в чужом теле. А может, всякое соитие без большого чувства – это онанизм? Светлане же был нужен именно я. Более того, несмотря ни на что она так и не кончила. Ни

разу. Я попытался было расстроиться по этому поводу, но она рассмеялась, сказав, что это для нее совсем не главное. Что ей очень здорово со мной.

– Светка, Светик, Светлячок, – повторял я, шалея, – счастье мое неожиданное.

И я, здоровый мужик, проживший большую часть своей жизни, готов был плакать от счастья, как ребенок.

На этом и завершилась моя история, впрочем, и моя нормальная жизнь вместе с ней. Сказка кончилась, и началась мучительная и беспробудная быль. Вскоро приехал муж. Жену стал пасти, как зеницу ока. Мне ее в течение месяца даже увидеть не пришлось, не то что поговорить. На днях они уехали отдыхать в Варну, на солнечное побережье Болгарии. Да, а сколько этой «Варны» выпито было в юности. Я даже не знал, что это город такой в Болгарии. Красиво жить не запретишь, как говорится. Хотя, по-моему, дурацкая поговорка. Если что и можно человеку запретить, так это жить красиво. Мне вот, например, запретили жить с ней. А без нее моя жизнь превратилась в ничто. В безобразное некрасивое месиво. Хожу из угла в угол, как волк в зоопарке, и вою. Пробовал напиться – от водки только хуже. На душе совсем невыносимо. Пробовал с бабами забыться – куда там. Они мне разом неинтересны стали. Все равно что после черной икры попробовать вяленую тарань. Нет, если по-мужски говорить – все работает. Но ничего не интересно. Все пресным вдруг стало, никаким. Ненужным, одним словом.

Влюбился, ешкин кот. Как? Зачем? Почему? Тридцать восемь лет жил как идиот, пузыри пускал, только в книжках читал про это. И на тебе. Причем не с первого взгляда, а с один миллион семьсот восемьдесят четыре тысячи восемьсот пятьдесят третьего. Но от этого чувство нисколько не слабеет.

Я гляжу ей вслед –

Ничего в ней нет.

А я все гляжу,

Глаз не отвожу.

Что есть в ней такого, чего нет в других женщинах? Я не говорю, что она совсем уж обычная или лишена своего шарма. Напротив, она просто класс. Но я видел женщин выше, стройнее, с более пышными формами, с демоническим взглядом. Имел дело и с более умными и, наверное, более тонкими созданиями. Но все они меркнут рядом со Светкой, а я не могу нащупать, где тот выключатель, который гасит их всех рядом с ней. И это, наверное, главная загадка. Загадка даже не в самой женщине. Она вокруг нее.

Господи, как бесит меня эта человеческая несамодостаточность. Ну ладно, надо дышать постоянно. Это я еще могу понять. Курить нужно регулярно. Мозг никотин должен всасывать. Понимаю. Я могу смириться с тем, что человеку время от времени необходимо есть. Желудочный сок, выделяясь, создает ощущение голода... и так далее. Но, чтобы ему постоянно нужен был какой-то другой, посторонний, чужой человек... вот этого мне не понять никогда. В чем тут изюминка? Что делать-то с ним? Общаться? То есть узнавать новую для себя информацию? Как бы не так. Я для этого лучше бы с академиком Панченко посидел за бутылкой. Голова, царствие ему небесное, был. Мне нечего узнавать от Светки моей. Но мне нужно спросить у нее, как она. И нужно услышать: «Ничего, спасибо». Нужно гораздо в большей степени, чем узнать, где находится могила Александра Македонского. А почему? Что я, и без ее ответа не знаю, что ей «ничего»? Но, Господи, как мне это ее «ничего» нужно услышать. Без этого я сам «ничего». То есть совсем ничего. Полное ничего.

А как же я раньше жил, до нее? Нормально жил. Спокойно. И не нужна была мне она. Что же произошло, в конце концов? Я ведь на нее и внимания-то почти не обращал. Или так притягательно мне показалось то, что она сама от меня забалдела? Это как у Шекспира:

Она его за муки полюбила,

А он ее за состраданье к ним.

Не знаю. Но это же смешно, в конце концов. Подумаешь, эка невидаль – баба от домашнего затворничества испытала ко мне небывалый приток нежности. Нет, так думать почему-то не хочется. И что теперь делать? Жить воспоминаниями трех наших встреч? А, собственно, что у нас есть, кроме наших воспоминаний? Всякое действие, происходящее с нами, мгновенно становится достоянием памяти. Настолько мгновенно, что мы не в состоянии вычленить его из общего процесса. Можно даже сказать, что мы вообще не живем, ибо тот миг, который мы проживаем, неуловимо мал. Мы существуем только памятью. Только на площади памяти происходят все мыслительные процессы. Тогда какая разница, целовал я ее год, или пару секунд назад? Да еще все портит подлый сквознячок будущего. Я совсем выпустил из виду третий параметр времени – будущее. Вот откуда эти мучения. Вот источник вечного беспокойства. Предощущение того, чего еще нет. Человеку мало того, что уже случилось. Ему жаль того, что может не случиться. А вдруг она меня больше никогда не поцелует? Стало быть, ее поцелуй может не стать достоянием моей памяти. Вот корень всех бед! Наша память, как ненасытное чудовище алчет будущего и пожирает настоящее непрожеванными кусками. А когда не получает должного куска, начинает пожирать своего носителя. И это мучительно. Моя память пожирает меня живьем. И я кричу, скрутившись на своей кровати, комкая подушку в нелепых судорогах. Мне больно, Светик. Дай мне еще хоть раз увидеть тебя. Накорми своими губами, руками, глазами! Как, подражая царю Соломону, кричал Маяковский: «Нет слаще слюны твоей сока!» Я умираю без тебя. Меня пожирает пламя памяти. Пожирает без остатка.

Я иду в кабак

Он подошел к Станиславу как раз тогда, когда со стола унесли закуски, подали горячее и еще двести граммов водки. Подошел и громко выпалил:

– Молодой человек, если вы еще раз посмотрите на мою даму, я набью вам морду.

– А где сидит ваша дама? – спросил Станислав, даже не успев как следует напугаться.

– Ты что, шутки со мной шутишь? – побагровел подошедший, резко перейдя на «ты».

– Нет, что вы, просто хочу знать, куда нельзя смотреть, – пояснил Станислав, пытаясь ввести хоть какую-нибудь комическую нотку в этот идиотский диалог.

Тогда незванный гость отодвинул стул, сел и, пристально глядя на него, налил из запотевшей бутылки водки в одну из стоявших на столе рюмок. У Станислава инстинктивно заныло под ложечкой и он глупо улыбнулся. Да и водки было жалко.

– Слушай, умник... – Грозный человек, не морщась, опрокинул рюмку в рот, хотя все-таки было заметно, что далось ему это не легко. – Двигай отсюда. Даю тебе пять минут. Не уложишься – пеняй на себя.

Затем он встал и вразвалочку побрел за третий столик слева. Станислав не без любопытства поискал глазами виновницу безобразной беседы. Однако, вот беда, за этим столом их было две, и он не знал, какую именно нужно иметь в виду. Обе поглядывали на Станислава хоть и украдкой, но все же заинтересованно. «А ведь действительно, смотрел я на них пару раз», – вспомнил он, вздыхая. Как-то неприятно застучало сердце. Станислав постарался дышать поглубже. Налил себе, выпил и, подцепив огурчик, с удовольствием захрустел им. А что было делать? Драться? Бросать обед и бежать? Ради чего? «Этот идиотизм происходит может только со мной. Все люди как люди, сидят, пьют, танцуют. Но из всего кабака этот кекс выбрал именно меня. Почему же именно меня, черт побери?», – недоумевая, Станислав налил еще. Вздохнул и снова посмотрел на злополучный столик. Взгляды мужчин пересеклись, и Станиславу как-то неудержимо захотелось посмотреть на дам, что он тут же и сделал. «В конце концов, пяти минут еще не прошло», – подумал он.

На зал так внезапно упала музыка, что Станислав подскочил, словно горячий суп пролил на колени.

В час, когда душа моя, как птица,

Бьется в клетке ноющих костей,

Не в больницу я иду лечиться,

Не в театр иду и не в музей.

Я иду в каба-ак,

где гитарист... —

грохоча, долетали до него резкие фразы.

Из разных углов начали выходить пары, и на время танцующие загородили от Станислава его обидчика.

«Самое время с наименьшим позором двигать отсюда», – отстраненно подумал он, но не пошевелился. В конце концов, нужно было еще требовать у официанта счет, оставлять недо-еденное мясо. А водку вообще зараз не выпить. И это при том, что полчаса назад он просадил однорукому бандиту полштуки.

«С какой стати!», – все больше сердился Станислав, глядя на легкий парок, струящийся над тарелкой. Ему почему-то подумалось, что его нос после удара будет похож на эту свинину в томатном соусе. Чтобы избавиться от аналогии, он аккуратно приподнял шампур двумя пальцами и оторвал зубами горячий сочный кусок.

«Когда идет дождь, быстрее намокает тот, кто бежит, – почему-то подумалось ему. – Но если вообще остаться на месте, есть шанс вымокнуть до нитки».

Размышляя таким образом, Станислав налил себе водки и торопливо выпил, скривившись, как от хлористого кальция. По-быстрому закусил. Не дожидаясь до конца, встал, бессмысленно поправил розовую салфетку, и, огибая танцующие пары, двинулся к выходу.

Ледяной кафель. Унылые перегородки узких кабинок. Лампы дневного света. Ни души. Из-за неплотно прикрытой двери долетало из зала: «Я иду в каба-ак...».

Станислав прислушался. Мужской голос, многократно усиленный колонками, с трудом перекрывал аккомпанемент. Словно пловец, которому никак не выбраться на берег в шторм, голос то взмывал вверх на гребне клавишных, то вдруг отбрасывался назад, накрываемый с головой электрогитарой и ударными.

Станислав запрокинул голову, сосредоточившись на том, для чего пришел сюда. Потом подошел к зеркалу и, стараясь потянуть время, открыл кран, хотя в общественных туалетах руки мыть не любил. Из зеркала на него смотрело одутловатое лицо тридцатилетнего, ничем не примечательного брүнета. «Неужели это я? – не желая признавать свои черты, содрогнулся он. – Эти глаза с булавочными зрачками, впалые щеки, злобно прижатые уши. Кто ты, урод тряпочный? Может, мне самому дать тебе в морду, не дожидаясь посторонней помощи?» Он театрально замахнулся кулаком, целясь в собственное отражение, когда дверь в туалет распахнулась. Станислав напрягся и, разжав кулак, с деланным равнодушием начал приглаживать волосы на затылке.

Галдя и хихикая, в туалет начал набиваться веселый народ, внося на своих плечах вопли из зала.

– Стасюк! – вскрикнул один из вошедших, широко растопырив руки.

Ну конечно, Станислав узнал его. Большой радости, чем видеть сейчас знакомых, он и представить себе не мог.

– Женюра! – закричал он и бросился обнимать вошедшего, как родного брата, даром что знал его всего пару часов, познакомившись у игровых автоматов.

Евгению везло, в то время как Станислав безответно всаживал жетон за жетоном. Автомат кричал, позвякивал, глотал деньги, но делиться нажитым не хотел.

– Когда ж ты нажрешься так, чтоб тебя стошнило этими жетонами? – в сердцах бросил Станислав. – Выплюнул бы хоть что-нибудь для приличия, лопнешь ведь.

– Ага, кидаешь как в мусоропровод, – сочувственно улыбнулся сосед справа: его автомат как раз отвечал своему игроку взаимностью.

Так они и познакомились. Перейдя к соседнему автомату, Станислав пообещал бросить это занятие. Евгений предлагал при выигрыше трех тысяч остановиться и сходить в кабак напротив, но Станислав, не веря в такую перспективу, решил закончить, как только просадит пять сотен. Однако идея с кабаком так плотно въелась в его сознание, что он пошел туда один, не дожидаясь компании. «Собственно, именно Женя меня своим предложением и поставил в эту ситуацию, он меня из нее и вытащит», – с надеждой подумал Станислав, похлопывая Евгения по плечу:

– Садись за мой столик, я один сажу!

– Ты ж идти не хотел, – усмехнулся Евгений, – хитрец, а сам обогнал меня.

– Уже и водочки треснул. Извини, старик, после такого проигрыша выпить захотелось.

– «Раз пошли на дело, выпить захотелось...» – ухватив обрывок его фразы, пропел справа от Станислава долговязый парень, наклоняясь над раковиной.

Станислав брезгливо поморщился, а Евгений приветливо кивнул в сторону парня:

– Знакомься, это Эдик, мастер по плаванью.

– Так ты не один? – обрадовался Станислав, разворачиваясь и пожимая мокрую, только что намыленную руку Эдика.

– Ага, – снисходительно кивнул Евгений, – из-за них я сюда и притащился. Я ведь проиграл все, что было. Ты уходил, у меня на кармане два косаря висело. А потом как отрезало. Минут за сорок все улетело. Надо было с тобой двигать. Хорошо, друзья мимо проходили. Знакомься.

Станислав неистово пожал руки только что отлипшим от писсуаров друзьям Евгения, пропуская их имена мимо ушей. Друзей было пятеро. Именно в этот торжественный момент дверь туалета раскрылась, впустив порцию свежего куплета из зала. На пороге показался тот самый тип, который собирался испортить Станиславу вечер.

Сцена напомнила финал «Ревизора», с той лишь разницей, что все персонажи, застывшие в немой сцене у Гоголя, уместились в лице этого несчастного.

Распахивая настежь дверь, он, видимо, был уверен в скорой и легкой победе. Даже рукав на левой руке успел закатать. Ничто не скрылось от Станислава. В нахлынувшей на него вдруг волне вальяжности он по-барски положил руку на плечо Евгению, которого знал дольше, чем злополучного ревнольца.

– Ну что, мужики, займемся делом?! С меня пузырь «Пятизвездочной», – сказал он чуть громче, чем следовало.

– Вперед! – скомандовал ничего не подозревающий Евгений, и они гуськом прошествовали мимо бедняги, который был настолько ошарашен, что даже не посторонился. Его потеснили всей толпой, и он, прижатый к дверному косяку, проводил процессию безумными глазами.

Физически ощущая всю степень его замешательства, Станислав не глядя задел плечом застывшую у входа фигуру.

В зале грохотала музыка: «Я иду в каба-ак...»

Станислав так внезапно очнулся от мыслей, что даже вздрогнул. Он по-прежнему сидел за столом, уставившись на танцующие пары. Время неумолимо двигалось вперед, и обозначенные пять минут истекали со всей определенностью. Нужно было кончать фантазировать и принимать какое-нибудь решение. Сколько он ни пытался заглянуть в просвет между танцующими, своего нелепого обидчика так и не увидел.

«Ну почему я, почему мне это все? Сколько народу, господи. А подойти можно только ко мне одному. Что во мне такого? Может быть, беззащитность прет от меня, и ее так же трудно спрятать, как запах заношенных носков? Разве можно подойти вон к тому или вон к тому, пусть даже он ниже меня ростом и более хилый. Ну не могу я представить, что кто-то подойдет к нему и сморозит такой бред... Да кто он такой, нет, он-то ладно, а вот кто я такой, что ко мне можно так вот запросто подойти и сказать, чтобы я убирался в течение пяти минут? Неужели мне осталось только мечтать, что кто-то придет и спасет? Сам спасай себя, сам, размазня».

Размышляя таким образом, Станислав налил себе водки и торопливо выпил, скривившись, как от хлористого кальция. По-быстрому закусил. Не дожидаясь до конца, встал, бессмысленно поправил розовую салфетку, и, огибая танцующие пары, двинулся к выходу.

Сквозь звуки ансамбля нужно было продираться, как через танцующий зал. Музыка грохотала повсюду, рикошетила от декоративных настенных панелей и вновь возвращалась в зал, уже усиленная многократно.

«Кончится когда-нибудь эта идиотская песня? – подумал Станислав. – Хотя что-то в этом «иду в каба-а-ак» есть забавное. Но господи, как громко и как долго». На полпути он все-таки не смог побороть в себе желания взглянуть на своего обидчика. За тем столом сидела только одна из дам. Обидчика видно не было. Судя по всему, отплясывал где-то в зале.

«Да что ж это я делаю? – опомнился Станислав. – Какой уход?! Здесь только покажи свою слабость – в порошок сотрут».

Он резко развернулся и как-то боком пошел к ненавистному столику.

– Здравствуйте, – поклонился он сидящей даме, – извините ради бога, а ваш кавалер танцует? Я хотел бы ему сказать, что не имею никаких претензий, и если мои взгляды показались вам или ему нескромными...

– Да что вы, что вы, – улыбнулась дама, – присаживайтесь.

Она слегка отодвинула стул, и он присел на краешек, беспокойно оглядываясь.

– Вы не обращайте внимания, – продолжила она, когда он сложил руки на коленях, – с Димой всегда так. Сам заварит кашу, а потом в кусты. Я ему столько раз говорила, но это же смешно, боже мой...

– Как в кусты? – опешил Станислав. – Он что, ушел?

– Да ну его. Вечно напридумывает себе ерунды. Леру совсем извел. И больше всех страдает потом.

– А кто такая Лера, извините?

– Жена его. Рядом с ним, такая блондиночка вся из себя. Вы ж ее видели. Он из-за нее и бесится. А тут они еще и переругались. Ну ничего, пусть дома отношения выясняют. А вас как зовут, молодой человек?

Станислав вдруг почувствовал такое облегчение, что ему не хватило воздуха на вздох, и он, судорожно сглотнув, поперхнулся. «Да это фантастичнее любой фантазии!», – отметил он про себя и представился. Через минуту он уже знал, что новую знакомую зовут Ольга, что она младшая сестра Димы, а также что ей безумно надоел брат и вообще чертовски скучно. Напряженный взгляд Станислава потеплел, и он отметил в Ольге и привлекательность, и изящество. Глубокий вырез на груди, нервные руки с колечками, беспорядочно сидящими на тонких пальцах, запах дорогих духов и еще более сильный запах лака для волос. Как и следовало ожидать, его остывшая свинина и согревшаяся водка переключались на ее стол, а еще через мгновение они уже медленно покачивались, обняв друг друга, среди таких же подвыпивших беззаботных пар.

«Приличная фигура», – думал Станислав, осторожно заглядывая в декольте Ольги, вслух рассуждая о Тарантино:

– Его последние фильмы стали занудны. Все просчитывается. Нет новизны, поворота.

Понятно, что она тут же стала восторгаться Траволтой:

– А вы видели его глаза...

Он прижался к ней плотнее, ощущая тепло кожи под прохладным голубым шелком ее длинного платья. Мизинец легко сдвинулся ниже талии, нащупав тонкую резинку. Едва заметно надавив на эту дорожку, Станислав медленно повел по ней мизинцем к позвоночнику. Ему показалось, что она это почувствовала.

– Дэнс, дэнс, дэнс, – произнесла она тут же, не то упоминая роман Мураками, не то призывая Станислава танцевать энергичнее.

Он наклонился к ее розовой, изящно закрученной раковинке уха и пропел шепотом, с трудом удерживая в голове мелодию, перекрываемую ресторанным ансамблем:

Над каштановым побегом

В переплетах Мураками

Я люблю тебя огромным небом,

Я хочу любить тебя руками...

– Я люблю Сурганову, но Арбенина мне нравится больше, – проворковала Оля.

– А я не люблю всю эту братию, – отозвался Станислав – И голоса есть, и музыка неплохая, и энергия, и подача. Но текста осмысленного нет. Смысла глубокого.

– А он нужен? Ведь песни-то красивые.

– Подача красивая, а слова так себе. От балды. Захотели – так спели, захотели – сяк. Смысла никакого. О чем поют, не ясно. А из песни слов не выкинешь.

– Да ты просто бухгалтер какой-то, – начала уставать от разговора Оля, – в песне не слова надо считать, а...

– А что?

– А любить этими, как их, ушами, вот!

Они рассмеялись, тесно прижавшись друг к другу.

«Да, – подумал Станислав, – какое окончание вечера сулит нелепая неприятность в его начале».

Его мизинец наконец доехал по еле заметной дорожке до позвоночника и осторожно двинулся вниз.

Ресторанная песня оборвалась так же внезапно, как началась. В голове еще звучали последние слова припева...

Станислав очнулся за своим столом с окончательно остывшим шашлыком и беспомощно оглядел зал. Потные, покрасневшие пары, умаявшись, расходились по своим местам. Ему было мучительно видеть, как пространство между ним и ревнивцем, которого он уже назвал про себя Дмитрием, освобождается, словно для решающего боя.

«Какой бой? – с неприязнью подумал он. – Что же делать? Когда этот идиотизм закончится?»

Песня длилась всего минуты три-четыре, решил он, следовательно, до разрешения конфликта оставалось еще минута.

«Последний глоток», – подумал он и, взявшись за графинчик, краем глаза заметил, как виновник его беспокойства решительно встал и направился к нему. И Станислав разом успокоился. Он сам удивился овладевшей им уверенности.

«Что ж, – успел подумать он, – за это время я уже видел его беспомощность, был свидетелем его унижения и даже станцевал с его сестрой. Теперь его черед. Все, что с нами происходит, происходит в голове. Только в голове».

Размышляя таким образом, Станислав налил себе водки и выпил, уже неторопливо и со вкусом. Не дожидаясь остывшее мясо, он встал, аккуратно поправил розовую салфетку, и, огибая вновь собирающиеся танцевать пары, двинулся навстречу судьбе.

– Что тебе надо-то, любезный? – баском спросил он подошедшего. – В туалет, что ли, пойдем?

«Попугайчик»

В самом начале 90-х наступило скучное время очередей и талонов, но день рождения жены удалось-таки провести вполне достойно. Были и праздничный торт, и водка, и даже красное вино. Праздник отшумел и гости разошлись, когда в передней раздался звонок.

– Кого еще несет в двенадцать часов ночи? – оторвалась от мытья посуды виновница торжества, уже успевшая накинуть на парадное платье кухонный передник.

– Наверное, Трояновы зонтик забыли... – неуверенно пробормотал муж.

Сын вскочил с кровати и рванулся в прихожую, на ходу заправляя майку в трусы.

– Ты-то куда, ну-ка спась быстро! В школу завтра вставать, – крикнула из кухни мать, впрочем, без всякой надежды на реакцию.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, с огромным рюкзаком за спиной стоял Виктор Михайлович – старый друг семьи и сосед по даче, подрабатывающий в осенне-зимний сезон дачным сторожем. Поскольку этот сезон и наступил, он пару месяцев безвылазно сидел в саду-водстве, никак не давая о себе знать.

– Что, маргашки, принимайте гостя, – хорохорясь, проговорил он и для верности оттопырил карман, из которого показалось узкое водочное горлышко. – Николавна-то здесь?

– А где ж ей быть? – обрадовался нежданному продолжению банкета хозяин. – Заходи на кухню, поздравляй!

– Заходи-заходи, – ехидно передразнил сын, – мама все равно вас сейчас разгонит.

– А ты, короед, не каркай, – поприветствовал его гость, – скажи мамке, пусть встречает.

Виктор Михайлович почесал бороду и бочком втиснулся в прихожую:

– Николавна, гости к тебе!

Татьяна Николаевна вытерла полотенцем мокрые руки:

– Какими судьбами?

– Как я мог твой деньрождение пропустить? Обижаешь! – Виктор Михайлович снял увесистый рюкзак и мягко поставил его на пол. – Принимайте подарок.

Рюкзак на этих словах легонько шевельнулся.

– Что это? – испугалась Татьяна Николаевна, вцепившись в косяк.

– Хотели попугайчика?! – хитро ухмыльнулся гость.

– Хотели! – закричал сын.

– Подожди, Алексей, – легонько отстранил его отец, – тут надо действовать аккуратно.

Он присел на корточки и начал развязывать тесемки. Внутри снова возникло шевеление, а затем что-то угрожающе щелкнуло. Андрей Андреевич поспешно отдернул руки.

– Да не бойтесь вы, – крикнул Виктор Михайлович и ловко раскрыл загадочный рюкзак. Брезентовые стенки упали словно кулисы, и на подиуме, как артистка в лучах софитов, возникла огромная птица, формой напоминавшая дыню Торпеду. Белая, в мелкую серую крапинку, с круглыми желтыми глазами и внушительным крючковатым носом, в высоту она было сантиметров 35, а в ширину не меньше 25.

– Ой, – только и смогла произнести жена, схватившись за косяк обеими руками.

– Ура! – почти одновременно с ней закричал сын.

– Чего «ой»? – с обидой спросил Виктор Михайлович. В голосе его почувствовались и неуверенные нотки. – Не рады?

– Рады, – авторитетно заверил Алешка.

Тут, мелко дрожа носом, из-за двери высунулся Василий – двухлетний домашний крыс. В клетке, стоящей в кухне под раковиной, он только спал. В остальное время как полноправный член семьи гулял где вздумается и, несмотря на отменное питание, лакомился домашним

фикусом, грыз провода и подворовывал муку из хранилища под диваном. И вообще был крайне самостоятельным. Алексей подхватил его на руки и понес знакомиться с птицей.

– А что жрет твой подарок? – насторожился отец.

– Так... этих и жрет, – улыбнулся Виктор Михайлович. – Близко не подноси!

Однако Алексей уже во всю вертел крысой перед хищным клювом. Василий был не в восторге и пытался вырваться, царапаясь и отчаянно вертя головой.

– Ну, хватит, – занервничала мать, – отнеси его в клетку и обязательно на крючок закрой, чтоб не выбежал!

– И где это чудо в перьях будет проживать? – озадачился Андрей Андреевич.

– Только не на кухне, там Василий, она его съест! – заявила Татьяна Николаевна.

– Кто кого, еще неизвестно, – послышалось недовольное ворчание Алексея с кухни.

– Будем реалистами: может! – заверил гость. – Вообще-то, она все жрет. И корм собачий, и сосиски... А жить может где угодно... – он резво стал смотреть по сторонам, стараясь не сталкиваться взглядом с именинницей, – где жердочку повесим, там и будет жить, глаз радовать.

– А кто это? – тихо спросила Татьяна Николаевна, хотя ответ был давно очевиден.

– Так сова же! – звонко крикнул Алеша, отчего птица вдруг вскинула голову и взмахнула крыльями. Это было ошеломительно. Как будто огромный плащ взметнулся в воздух, и всех стоящих обдало порывом лесного ветра, зашевелившим волосы на головах. Виктор Михайлович кинулся запаковывать сову обратно. Она начала шипеть и угрожающе щелкать клювом. Однако довольно быстро смирилась и, сложив свои огромные крылья, снова сжалась в пернатое яйцо, поджимая под себя одну ногу подобно цапле.

После недолгих обсуждений решено было отметить приезд старого друга на кухне, а сову отнести пока в темную комнату для адаптации. Со всеми мерами предосторожности ее посадили на письменный стол и аккуратно притворили за собой дверь. Алексей тоже вытребовав себе право посидеть на кухне, однако, не успели разлить водку по рюмочкам, как были взбудоражены жутким грохотом и звоном разбитой посуды за стенкой. Бросились в комнату, зажгли свет, и глазам их предстала апокалиптическая картина: на полу валялись книги и стулья, ковер впитывал воду из разбитой вазы, кругом были разбросаны растрепанные розы и астры, что подарили жене. Как маятник из стороны в сторону покачивалась, жалобно позванивая, пышная люстра, от которой отлетело несколько хрустальных пластинок. Завидев пришедших, сова щелкнула клювом и снова распростерла свои гигантские крылья. Физически можно было почувствовать, как она загребает ими плотный воздух, комкает и, отталкиваясь от него сама, швыряет назад. Виктор Михайлович прыгнул на сову, растопырив руки, но опоздал. Огромная птица рванулась вверх, обрушив еще несколько хрустальных пластин с люстры, и со всего размаха саданулась в оконное стекло. От поднятого потока воздуха вновь посыпались книги со шкафа, а с серванта полетели недобитые вазочки и юбилейные кубки.

– Мешок! – закричал Виктор Михайлович, стягивая со стола скатерть вместе с остатками какой-то канцелярии и набрасывая ее на сову. Татьяна Николаевна кинулась за рюкзаком. Схватка была недолгой, но яростной. Птицу снова посадили туда, откуда вынули полчаса назад, оставив лишь небольшой просвет для воздуха. Пока прибирали разор, охая над разбитыми вазами и залитыми водой книгами, рюкзак жил своей жизнью, дулся, шипел и шевелился в прихожей.

– Что делать-то с ней?! – в отчаянии вопрошала жена.

– Ничего, – заверил Виктор Михайлович, – поживет, пообвыкнется, станет ручной.

– Неси-ка ты ее обратно в лес, Михалыч, – именинница начинала совершенно выходить из себя, – пока она освоится, весь сервиз мне в доме уюкошит.

– Не надо в лес, – занял ребенок. – Мы ее приручим, она будет с нами жить.

– Для тебя же старался, Николаевна, – развел руками гость.

– Откуда ты взял-то ее, герой? – вставил Андрей Андреевич, которому расставаться с такой редкостью тоже не очень хотелось.

– Да нельзя ей в лес... не выживет там... – Виктор Михайлович как-то виновато оглянулся на рюкзак. – Ранена она.

– Рассказывай, – сурово потребовала жена, и гость начал рассказывать, явно что-то утаивая. Якобы возвращался он из лесу в свою сторожку. Темно, хоть глаз выколи. Настроение скверное. Ветер пронизывающий, с моросью. И тут вдруг из-за ближайших кустов несется на него какая-то тень. Отработанным движением вскинул он ружьишко, которое на всякий случай с собой по лесу таскал, бац! И что-то большое обрушилось ему прямо под ноги. Думал – убил. Взял домой рассмотреть повнимательнее. А дома сова ожила. Две недели он с ней куковал. Несколько дробинok из нее выковырял, только вот лапа никак заживать не хотела. Начала пухнуть.

– Хорошенькое дело, – ни к кому не обращаясь пробормотала жена, и они гурьбой вернулись на кухню. Подняли тост за именинницу, но застолье как-то не клеилось. Пошли снова смотреть на сову. Рюкзак горестно вздохнул и замер, ощущая присутствие людей.

– Не может животное в тесном мешке сидеть все время, – сказал Андрей Андреевич.

– И что ты предлагаешь?

– Может, убрать все мелкие предметы с серванта и шкафа? – предложил Алексей.

– Так она о стекло башку себе разобьет! Она ж окно вообще не видит, – уверенно заявила мать.

– Разобьет, – рассудительно подтвердил Виктор Михайлович.

Снова удалились на совет. После второго тоста мысли заработали лучше. «Ванная комната!», – решили почти хором. Убрали все полотенца, попрятали шампуни, тюбики, щетки и мочалки. Принесли рюкзак в ванную, развязали.

– Щелк! – сова огляделась вокруг. Ее голова, практически неотделимая от туловища плавно поворачивалась на 180 градусов, нацеливаясь клювом на враждебные предметы, словно башня пернатого танка.

– Наверное, ей яркий свет мешает, – предположил Алексей. Но как только погасили свет, сова растопырила гигантские крылья и подскочила на край раковины, попутно сметя в ванну зеркало и шкафчик для парфюмерии.

Пока вынимали осколки зеркала, сову снова с невероятными усилиями упаковали в рюкзак.

– В туалет ее, может? – предложил хозяин, поскольку возможности однокомнатной квартиры оказались весьма ограниченными, но тут запротестовала жена:

– Нет уж, туалет чаще нужен, чем ванна. Я ей его не отдам!

Все согласились. Еще раз произвели тщательный осмотр, вытащили из ванной все, что было не привинчено и не приколочено, и снова запустили туда животное, которое тоже нельзя сказать чтобы радовалось происходящему. Сова уселась в углу, на корзину для белья, где по ее представлениям, видимо, легче было держать круговую оборону. Вид у нее был решительный, она словно говорила: «Как хотите, а в рюкзак меня больше не засунете!».

– Не было хлопот, купила баба порося! – вздохнула жена, когда они выключили свет в ванной, закрыли дверь и сели за стол. Только решили провозгласить третий тост за хозяев этого богоспасаемого дома, как вспомнили, что у птицы нет ни еды, ни питья. Все отложили и начали размораживать куриные желудки – единственное, что осталось в холодильнике из натуральных продуктов от дня рождения. Налили воды в блюдечко. Сова приняла дары неохотно, шипя и пощелкивая клювом.

– А она кусается? – задал вопрос, который давно следовало задать, Алексей.

– Вероятно, – ответил отец.

– Не знаю, – равнодушно сказал Виктор Михайлович, – меня не кусала, хотя попытки были. В любом случае, надо быть настороже – клюв-то у нее вон какой. Она больную лису может сожрать.

– Больную... – протянула Татьяна Николаевна, – а она сама-то здорова?

– Вся, за исключением лапы, – ответил гость.

Со стороны осмотрели лапу. Действительно, на левой имелась большая неровная шишка.

– Подлечите – еще стометровку бегать будет, – заверил дачный сторож, гася свет, когда они вышли из ванной.

Ночь прошла относительно спокойно.

Утром гость уехал, а семейство осталось с неожиданным пополнением. Три не очень понятные друг другу формы жизни, включая Василия, каждый из своего угла начали настороженно изучать друг друга. Сова время от времени потягивалась, взмахивала крыльями, роняя полотенца и не убранные предметы гигиены, но в общем вела себя тихо. Ела исправно и достаточно прилично. Василий был заключен в свою клетку почти на целый день. Изредка ему позволялось прогуляться по комнате, да иногда Алеша носил его к сове, устраивая смотрины.

Поначалу хороший аппетит совы не мог хозяев не радовать, но к концу месяца глава семьи призадумался.

– Все мясо, что появляется в доме, включая пельмени, отправляется в желудок этой курицы, – как-то пожаловался Андрей Андреевич очередному гостю, которого пригласили полюбоваться на редкого зверя. – Я уже и забыл, что это такое! Нам крупы и корнеплоды, все остальное – ей.

Сова при этих словах красноречиво щелкнула клювом, и перед ней снова положили блюдечко с сырым фаршем.

Недели через две положение ухудшилось – Татьяна Николаевна ушла с работы, и пока не устроилась на новую, общий семейный доход сократился вдвое. Более того, у Василия обнаружили блохи. Откуда они взялись, было понятно без слов. Престарелый крыс постоянно чесался. За всю жизнь ни разу не столкнувшись с паразитами, он был явно обескуражен. На семейном совете решено было вымыть его в тазу. Возраст ли, блохи ли, мыльная вода или присутствие рядом хищного существа, а может все вкупе, сделали свое дело – Василия хватил инсульт. Поняли это не сразу, но когда осознали – ужаснулись. Выстелили клетку старым свитером, купили банан и тыквенные семечки. Ветеринары по телефону в один голос отвечали, что подопытных животных типа крыс, мышей и хомяков они не лечат.

К тому же совиная лапа опухла еще больше, и шишка стала напоминать детский кулачок. Да и сама птица погрузилась, стала как-то съеживаться, хотя аппетит ее несколько не уменьшался. Снова начался обзвон ветеринарных клиник, который ничего не дал. Специалисты по кошечкам и собачкам только разводили руками. Наконец кто-то посоветовал Институт болезни птиц, что у Московских ворот.

«...Но у него два пальца отвалились, И мы решили – надобно врача...», – пробормотал про себя Андрей Андреевич пару запомнившихся ему строчек из прочитанного когда-то трогательного стихотворения Дмитрия Толстобы «Прогулка со снегирем».

Сборы были долгими и тяжелыми. Алексей от этой обязанности под надуманным предлогом увильнул, и родители с огромным трудом принялись упаковывать сову в предусмотрительно оставленный рюкзак. Сова не упаковывалась. Один раз ей даже удалось взлететь в прихожей, обрушив вешалку с одеждой на пол, и все же приматы взяли верх над пернатым. Оставив сове небольшое отверстие в рюкзаке и помятая незлым тихим словом Михалыча, Андрей Андреевич поехал на троллейбусе в орнитологический институт. По пути рюкзак недобольно встряхивался, шипел и покряхтывал. Пассажиры посматривали настороженно, а кондуктор, перед тем как потребовать оплату за провоз багажа, участливо поинтересовалась:

– Кота перевозите?

– Попугайчика, – буркнул Андрей Андреевич. Встретив непонимающие взгляды, добавил:

– Хорошо откормленного попугайчика.

В институте, отсидев несколько часов в одной очереди с петухами, индюшками и перепелами (которые, чуя хищника, начинали рваться из своих мешков и клеток), он много узнал о самых разных птичьих заболеваниях, перечитал массу плакатов о клещах и прочих паразитах. Особенно насторожили его статьи о пероедах и клещах, живущих на диких птицах.

– У нас Петя газету на балконе склевал, так бумага встала комом в зобу – чуть не задохнулся бедняжка, – попыталась заговорить старушка впереди, но, узнав, что за зверь шевелится в рюкзаке, переставила клетку со своим петухом подальше.

В кабинете тоже все пошло наперекосяк. При осмотре врач, увидев пациента, оторопел, руки его дрогнули, не удержав выскочившую птицу, и она радостно взмыла под потолок. Старинная институтская аудитория с потолками под четыре метра после тесной ванной стандартного панельного дома показалась сове настоящим раем. Ловили ее впятером, призвав на помощь двух ассистенток и даже уборщицу. Сафари было долгим и не без потерь инвентаря. На пол летела посуда, пробирки, медикаменты...

Заплатив пару тысяч, Андрей Андреевич печально побрел со спеленатой совой домой. Теперь он был обогащен знанием, что кормить ее нужно не просто мясом, но и протертой на мелкой терке морковкой, а также творожком и прочими витаминизированными продуктами, которые он и сам видел далеко не часто. Относительно лапы было высказано несколько противоречивых предположений и выписана какая-то редкая мазь.

Начались суровые будни. Лечиться сова не желала, повязку на ноге сдираала, попутно щиплясь и угрожающе щелкая клювом. Помыться в ванной стало совсем проблематично. Продукты, деньги и терпение были на исходе. Радоваться сове продолжал только Алексей, приводивший время от времени своих одноклассников полюбоваться на редкого зверя.

– Назад в лес ей нельзя, она с такой ногой там не выживет, – печально повторял он с явным расчетом, что родители слышат тоже.

Лапа не заживала, шишка продолжала увеличиваться.

Наконец, открыто запротестовала Татьяна Николаевна. Жизни в доме, по ее версии, не стало никакой.

– Да, в лес ее нельзя... – соглашался обычно Андрей Андреевич, – обратно на дачу тоже не вариант, ведь Михалыч ни следить за ней, ни кормить не станет. В лучшем случае чучело сделает.

И вдруг его осенило:

– А может, превратить сову из статьи расходов в статью доходов?

– Это как?

– Продать в зоомагазин!

– А они возьмут?

– Еще как возьмут! С руками оторвут такое сокровище! Это ж полярная сова, редкостный экземпляр!

Опять начались процедуры непростого упаковывания подарка, который давал понять, что он далеко не подарок. Когда в третьем зоомагазине, даже не глядя на предмет разговора, продавцы отвергли гордую птицу, поскольку на нее не было никаких справок и документов, Андрей Андреевич понял, что пропал. Страшное уныние охватило его, и когда он ощутил всю полноту отчаяния, за спиной раздался тоненький детский голосок:

– Мама, мама, ну купи мне попугайчика!

Он оглянулся и увидел у прилавка маму с дочкой, которая показывала на клетку с волнистыми ярко-синими попугайчиками.

– Ну зачем тебе такой маленький? Мы же с тобой побольше хотели, а эти и говорить не научатся. Видишь, у них головка с наперсток. Там мозгов совсем нет!

– Ну и что, что нет! – артачилась девочка. – Они все равно хорошие.

Поняв, что это последний шанс, Андрей Андреевич, немного чувствуя себя Остапом Бендером, ринулся в атаку:

– Хотели завести попугая?

– Да вот, – замялась мамаша, – мы думали большого какого-нибудь завести, чтобы разговаривать уметь.

– А у них нет больших... только маленькие, – чуть не рыдая, протянула дочка, которая по возрасту была вдвое младше Алексея.

Пряча рюкзак до поры за спину, Андрей Андреевич растянулся в самой доброй улыбке, на какую только был способен:

– Попробую помочь вашему горю! Есть у меня попугайчик, большого размера... северный. Хотите – покажу?

– Хотим! – ответила девочка, и на этих словах Андрей Андреевич победно вытащил из-за спины рюкзак.

Как только из него показался нос крючком и два огромных желтых глаза, интерес мамы с дочкой мгновенно сменился растерянностью и страхом.

– Это не попугайчик, – прошептал ребенок, отступив за маму.

– А кто же? – искренне удивился Андрей Андреевич, косясь на рюкзак. – Настоящий полярный попугай... Полар Пэррот! А главное – голова какая большая! В такой голове весь словарь Даля поместится... если говорить научите.

Полар Пэррот угрожающе щелкнул клювом, и Андрей Андреевич от греха принялся запаковывать большую голову обратно.

– Ну как? Будете брать? Отдам недорого.

Мать, наконец-то выйдя из ступора, смогла только выдать:

– Вообще-то мы передумали попугайчика заводить. У меня аллергия на перья.

И горе-продавец печально двинулся к выходу.

Возвращению совы был рад только Алексей. У Василия совсем отнялись задние лапы. Он с трудом доползал до поилки, и все семейство утешало его, подсовывая самые разные кусочки фруктов и сладостей, какие только могли найти и позволить себе. Прошла пара дней, и однажды утром Татьяна Николаевна вдруг воскликнула:

– Зоопарк! Ведь есть же зоопарк! Они должны принимать экзотических животных.

Перерыв телефонную книгу, они нашли телефон зоопарка и набрали номер.

– Правда, полярная сова? – осведомились в трубке. – Конечно, привозите! Непременно возьмем... Нет, только бесплатно... Но мы запишем ваше имя в список почетных дарителей. Это очень почетно... Ждем с нетерпением...

– Бесплатно так бесплатно, – поджал губы Андрей Андреевич. – Еще немного, и я сам готов буду доплачивать.

К приезду совы в администрации возник некоторый ажиотаж. Несколько сотрудников в белых халатах высыпали на проходную и торжественно проводили Андрея Андреевича в какой-то кабинет, галдя и восхищенно показывая друг другу на рюкзак.

– Вы не представляете, что для нас значит каждый экземпляр, – заговорила заведующая орнитологическим отделом, вставая из-за стола к ним навстречу. – Как вам удалось ее заполучить? Мы диплом благодарственный подготовим!.. Впишем золотыми буквами...

– Приятель привез, – раскрывая рюкзак, пробормотал смущенный вниманием Андрей Андреевич. Появилась мохнатая голова, а по кабинету пронесся вздох разочарования, напомиравший простое: «Фууу!».

– О, господи, опять, – всплеснула руками заведующая, – да сколько ж можно-то?!

– В каком смысле? – насторожился Андрей Андреевич.

– Ну какая же это полярная сова, молодой человек?! – укоризненно покачала головой заведующая.

– А кто же это? Попугайчик?

– Вы что, совсем в птицах не разбираетесь?

– Нет, не разбираюсь, – начал кипятиться Андрей Андреевич, – зато я прекрасно разбираюсь в том, что ее нужно кормить, поить, лечить, содержать... Ну и кто же это по-вашему?

Толпа из кабинета незаметно рассосалась, остались только заведующая да сухонький старичок у двери. Он-то и произнес брезгливым голосом:

– Длиннохвостая неясить. Ну и куда ее девать прикажете, Марина Анатольевна? У нас все вольеры этой радостью переполнены.

Андрей Андреевич похолодел.

– Не возьмете? – спросил он почти шепотом.

– Возьмем, куда деваться? – почти с отвращением сказала заведующая, – берите ее, пойдём в карантин.

– А у нее еще лапка больная, – с дрожью в голосе произнес даритель.

– Ничего, разберемся, – махнул рукой старичок.

Когда дело было сделано и птицу посадили в какую-то странную, длиной во всю комнату, узкую клетку с тремя такими же нахохленными птицами, старичок пригласил Андрея Андреевича выйти во внутренний двор к птичьему вольеру.

– А они ее не обидят? – спросил с сомнением Андрей Андреевич.

– Ничего страшного. Вот вы лучше на это полюбуйтесь – тут у нас длиннохвостые неясити обитают. Не знаем, что делать с таким количеством.

Действительно, все ветки в вольере были полны птицами, как две капли воды похожими на Витин подарок.

«Длиннохвостая неясить, длиннохвостая неясить, длиннохвостая неясить», – все повторял про себя Андрей Андреевич, чтобы не забыть, когда они пошли к проходной.

– А можно позвонить от вас?

– Конечно, – отозвался старичок.

Андрей Андреевич набрал номер и, услышав жену, радостно выпалил:

– Ее взяли! Представляешь?

– Подожди, подожди, ты что, уже отдал ее?

– Да, представляешь, они еще брать не хотели, у них этих неяситей, как грязи... – Андрей Андреевич виновато посматривал на старичка, который любезно ждал, когда тот закончит.

– Папа, вези ее назад, – раздался плачущий голос Алешки. И снова голос жены, – Андрей, Васик умер...

– Как умер? – глупо переспросил Андрей Андреевич и острая неприятная волна, прокатившись откуда-то из самой груди, резко ударила его в нос.

– Так... на ручки попросился перед смертью. Умер спокойно. Он ведь старенький был. Ты только не задерживайся. Забирай сову и приезжай. Она, конечно, не заменит Василия, но все-таки... Я уже привыкла к ней. Если б мы его тогда не выкупали... Ну, найдем мы для нее мяса, а если нет, Михалыч про корм кошачий говорил.

Образовалась долгая пауза, но Татьяна Николаевна, видимо, испугавшись несогласия мужа, снова быстро заговорила:

– В конце концов, это мне ее подарили на день рождения, и сын давно попугайчика хотел. Даже Витька про попугайчика помнил, а ты!..

– Я понял, – решительно положил трубку Андрей Андреевич и, обернувшись к ожидавшему старичку, сквозь зубы спросил:

– Говорите, не знаете, куда длиннохвостых неяситей девать?

Дом в Комарово

Он стоял, упершись лбом в ледяное стекло, пытаясь проникнуть взглядом как можно глубже в заснеженный сад. Огромные ели сиротливо покачивались от северного ветра, цепляясь всеми своими колючками за невидимые глазу выступы в морозном воздухе. Весь сад колебался и ходил ходуном. Деревья, встречаясь, взволнованно раскланивались друг с другом, расходились в разные стороны, но затем плавно, словно в замедленной съемке или под водой, снова в хаотическом порядке сходились. Скорее даже под водой, ибо сумерки постепенно затапливали этот мир, стирая детали и острые углы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.